

ИМПЛИЦИТНАЯ ПАТОГЕННОСТЬ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

ГАЯНЕ ШАВЕРДЯН

Мышление – самая изученная область психологической науки. Оно легко поддается исследованию, благоприятствует ясности, способствует пониманию работы других психических функций. Тем не менее, начиная с ассоциативной психологии, весь опыт исследований по проблеме мышления можно свести к нескольким основным положениям (мышление есть процесс, содержит ассоциации, сопряжено с проблемной ситуацией, неразрывно связано с речью, осуществляется мыслительными операциями и пр.). Разматывая каждое из этих положений, исследователь выходит на множество других проблем в области психического, но поскольку рассмотрение проблемы мышления в рамках статьи представляется абсурдным, рассмотрим мышление с точки зрения патогенности и конструктивности его мыслительных операций и, одновременно, участия в деле приближения человека к нравственности и свободе.

Каждый первокурсник знает, что мышление осуществляется пятью мыслительными операциями. Но постижение тонких вредоносных для психологического здоровья артефактов этих операций требует достаточного жизненного и психотерапевтического опыта.

Сравнение является и необходимой, и чреватой разрушительными последствиями мыслительной операцией. Оно помогает ориентироваться в наблюдаемых фактах, устанавливать связи между явлениями, выявлять сходства и различия, управлять отношениями и установками. Вместе с тем, будучи некорректно примененным во временном отношении, оно приводит к иррациональным суждениям, будучи неуместным – к зависти и подавленности, будучи чрезмерным – к гипероценкам. В области межличностных отношений оно становится токсичным, поскольку не учитывает факт уникальности человека. Сравнение с другим психологически неграмотно – один не лучше или хуже, выше или ниже другого, не равен или тождественен ему. *«Каждый – другой»*, а находить сходства и различия можно только в отношении отдельных психологических, физиологических или иных свойств, но не в отношении целого человека. «Не сравнивай, живущий несравним», – говорил О.Мандельштам, потому что мышление обоих – сравнивающего и сравнимого – лишается индивидуализированной и смыслопорождающей возможности.

Тем не менее, неприменение сравнения в области межличностных отношений приводит к невежественности, нескритичности и безвольной «толерантности». Никому не возбраняется замечать коллегиальность, справедливость, ясность мыслей одних и нечестность, эгоизм и туманность мыслей других. Но вопрос заключен в апелляции к ситуативности этих черт, а не упреждающему конструкту, относящемуся к человеку в целом. Потому что (за редчайшими исключениями) сравнение двух людей имплицитно предполагает атрибутирование им статичности, латентную установку стоп-кадра в развитии, отсюда –

неподвижные понятия межличностных отношений, приводящие к стереотипам, непониманию и конфликту.

Анализ расчленяет вещь на составляющие, имея целью разглядеть детали в отдельности. На этой операции строится научное исследование, понимание элементов структуры, сопоставление и корреляция факторов. Однако анализирующий уподобляется ребенку, которому кажется, что, разбив игрушку, он разгадает ее тайну; в результате он лишается ее полностью. Целостное восприятие, или гештальт, оказывается раздроблен на случайности, входящие в лабораторный эксперимент, убивающий суть предмета и схватывающий его концы. Вряд ли возможно выразить это точнее Гете:

**Живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нем познание получить,
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет,
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась.**

(Перевод Н. Холодковского)

Поэтому при исследовании каждой анализируемой части исследователь обязан держать в уме весь контекст, подтверждая и усиливая первоначальную целостность. Такой анализ подтверждает родственность признаков целостному гештальту, в противоположность такому анализу, «в результате которого, – отмечает Л.С. Выготский, – получают продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому»¹. Однако анализ всегда содержит соблазн невозврата к целому, потому что мыслящему гораздо удобнее ассоциативно связать деталь анализа с другой, более отдаленной деталью анализа. Необходимо остановить ассоциацию, а для этого требуются дополнительные не мыслительные, а волевые усилия, на что мы не каждый раз готовы. Вот почему абулическое состояние порождает цепь ассоциаций, приводящую к суициду.

Синтез призван выявить и высветить эти новые свойства, в противном случае синтезирование превращается в эклектическое суммирование частей. При этом части в синтезе, в отличие от эклектики, не случайны, а необходимы, поэтому каждая часть может быть отдельным синтетическим единством. Так, всякое познание есть синтез познающего и познаваемого, но эти стороны, в свою очередь, целостны, т.е. сохраняют, по словам П. Флоренского, «безусловное условие своего единства», иначе часть может быть больше суммы. Как доказали гештальтпсихологи, понимание возникает не путем следующего за анализом синтеза, а внутри деятельности мышления посредством нахождения необходимого в данной ситуации инсайта. Поэтому синтез загадан наперед хотя бы в форме относительно диффузной установки к охвату целого, иначе синтез превращается в механическое слагаемое различных когниций. Яснее это видно на примере мышления конституционально глупых людей (по классификации Ганнушкина), которые способны разве что повторять услышанное или прочитанное, не представляя живых связей между вещами.

¹ **Выготский Л. С.** Избранные психологические произведения. М. – Л., 1956, с.46.

Абстракция как абстрагирование от случайных признаков предмета является необходимым инструментом мыслительного процесса. Без нее мыслительный процесс попадает во власть субъективно-персонифицированных смыслов и иррациональных суждений, что в точности иллюстрирует мышление личности истерического профиля, которая не может и не смеет абстрагироваться от себя и своих псевдопереживаний. Результаты пиктограммы такой личности невозможно связать с заданным смыслом, поскольку символы пиктограммы вследствие эгоцентрированности оказываются понятны только ей одной. К примеру, личность данного профиля может исключить из картинок «часы, время, календарь, очки» именно «очки», но не в силу здравого смысла, а потому, что «она ненавидит очки за то, что при последней встрече со своим любимым он передал ей очки, которые она забыла у него дома».

Если истерик неспособен к абстрагированию, то на примере вычурного мышления шизофреника становится понятен опасный результат абстракции. Шизофреник держится за мысли, далеко отстоящие от действительности, его мысли не связаны с тем, что *есть*, поэтому помысленное им не истина, а только составленная из мыслефантомов сеть, из которой он не может вырваться. Таковы бред отношения, реформаторства, изобретательства и пр.

Но если шизофреник запутывается в абстракциях вследствие болезни, то, так сказать, здоровый держится за них из-за страха познания конкретного, потому что конкретное требует индивидуального выбора здесь и сейчас. Избегающий свободы осознанно или неосознанно попадает в рабство к всеобщему, которое самой своей всеобщностью есть абстракция. Яснее всего это видно на примере категорий абстрактной морали, стоящих на службе у безнравственности. Абстрактные моральные категории не только затуманивают сознание, порождают действия, обратно пропорциональные их искомым значениям, приобретают форму автоматических мыслей, но сопровождаются некоторым сужением сознания, которое, ввиду своей незначительности, не маркируется как патология, а расценивается как «культурность». Меж тем абстрактная мысль и следующее за ним волевое действие представляют кривое зеркало культуры. По сути, «абстрактно-культурные» пополняют ряды бескультурных людей, только стоят они против культуры не со стороны первобытного варварства, а с другого, цивилизованного конца. При этом легче совершить переход из варварства в культуру, чем из вырождающейся культуры в культуру подлинную.

Абстракция в области познания в силу трудностей восприятия вызывает антипатию, раздражение и даже страх. Этим объясняется тот факт, что современному человеку чрезвычайно трудно понимать, например, Гегеля или исследовать феномены собственной силой мышления. Потому что сознание непременно стремится примкнуть к привычным чувственным коррелятам предмета и не выносит усилий по преодолению препятствий для понимания абстрактных понятий, которые кажутся ему тенью реальности. Например, понятие совершенной чистоты, которое в реальности не существует, но лежит в основе понимания чистоты, свободно от чувственного восприятия конкретного предмета. Для легкости понимания можно «нарисовать» в сознании чистый предмет, но, тем не менее, ощущать неточность наложения. И здесь на помощь приходит имажинативное мышление, позволяющее довершить в сознании образ или воплощение чистоты, допустим, Богородицу. Через образное мышление сознание проникает в суть абстракции и интуитивно находит абстрактному понятию

духовное соответствие – конкретную сущность. При этом абстрактная мысль мгновенно становится жизнеспособной и теряет иллюзорность и тенеподобность. Но это уже не абстракция, а мысль, очищенная как от случайности чувственного восприятия, так и от схематичности абстрактного понятия. Эта уникальная способность человеческого мышления противопоставлена как интеллекту, силиющемуся из доступных схем выбрать подходящую и функционирующему в рамках неподвижного мышления до тех пор, пока связь с действительностью не потеряна полностью, так и инфантильному мышлению, уповающему на внешне видимую предметность и неспособному воспринимать абстрактные понятия. Здесь мысль свободна, т.е. зависит только от мыслящего, который сам находит в себе основания для продуцирования мысли, поэтому исключено, чтобы подобные мысли стали бы фиксированными или навязчивыми.

Именно с этих позиций пытались рассматривать мышление представители вюрцбургской школы. О. Кюльпе называл безобразное мышление «чистым», в противоположность эмпирическому мышлению, примыкающему к чувственной данности. По К. Бюлеру, мышление состоит из трех категорий элементов: интеллектуальные чувства, образы и собственно мысли, т.е. мысли, лишенные чувственно-образного характера. Последние рассматривались как возвышение к чистому, беспримесному мышлению, и на этом исследования вюрцбургской школы завершились. Остановка на этой стадии означает, что мышление не пробивается к духу. Меж тем, по словам М. Шеллера, «дух в мышлении охватывает созерцание прафеноменов или сущностных содержаний, чем <...> достигает даже экзистенциальной независимости от органического, т.е. свободы»². Совершенно не случайно, например, что такое инстинктивно-органическое действие, как кашель, на симфонических концертах появляется в перерывах между частями сонаты, а не во время их исполнения. Тем же, кому не интересны музыка, театр, мысль, постоянно держат в уме витальные потребности. Разумеется, что в наш век потребительской культуры и хорошо развитого хватательного инстинкта чрезвычайно трудно представить себе такую охваченность мыслью, при которой отеснялась бы даже органическая деятельность, тем не менее привязанность к органике и неспособность абстрагироваться от нее ограничивает эволюцию человека рамками разумного животного. Таким образом, можно сколько угодно расширить понимание операции абстрагирования в позитивную или негативную сторону.

Обобщение позволяет познавать вещи во всем их многообразии, изменчивости и целостности, соединять одно с другим и устанавливать порядок в когнитивной структуре. Это соединение, однако, может быть правильным, но не действительным. Сверхобобщение и избирательное обобщение, которые, согласно А. Эллису, входят в иррациональные суждения, представляют примеры правильного мыслительного обобщения, результирующего к реально не существующему факту. Сверхобобщение как выведение общих принципов поведения на основе одного или многих случаев деформирует межличностное общение. Поэтому предстоит с опаской относиться к генерализациям идей и унификациям понятий, ибо под маской обобщений скрыто нежелание вникать в детали жизни и желание следовать автоматическому мышлению.

Все выражения типа «я добрая», «он глупый» и пр. являются примерами сверхобобщения с применением моральных категорий. Человек, привыкший

² Шеллер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988, с. 50.

перманентно обобщать и унифицировать, свидетельствует о том, что его мышлению также, как его межличностным отношениям, некуда продолжаться. Примером сверхобобщения могут служить различные сентенции, которые в отрыве от контекста оборачиваются своей противоположностью. «Любовь – самая прекрасная вещь на земле», – говорит мужчина, пытающийся склонить женщину к взаимности.

Не менее разрушительно избирательное обобщение как понимание происходящего на основе вырывания деталей из контекста при игнорировании другой, более значимой информации. Например, оценивание человека как черствого в ситуации, которая объективно требует черствости, и игнорирование многочисленных противоположных проявлений его поведения в других ситуациях. Излюбленной темой привычного мышления являются обобщения типа «морально-неморально», меж тем как подобные мыслительные «перевертыши» заполняют объем мысли и отвлекают от содержания.

Таким образом, мыслительные операции могут выполнять как деструктивную, так и конструктивную функцию. Будучи использованы механически, они нацеливаются на бездуховность, унификацию, случайность и в конечном счете приводят к патологии, потому что в каждом случае нарушается какой-либо из трех критериев психического здоровья, а то и все три – в данном контексте мы имеем ввиду критерий меры, места и времени. Так, некорректное сравнение нарушает критерий места, избирательное обобщение – критерий времени, чрезмерные абстракции – меры. Примечательно при этом, что все подобные мыслительные огрехи с точностью совпадают с моральными «грехами», и, таким образом, патология, безнравственность и неправильное мышление оказываются явлениями, в основе которых лежат одни и те же закономерности. Исследуя операции мышления, советские психологи предостерегали от методологической ошибки: операции мышления есть средства мышления, но никак не само мышление. В противном случае средства выбирают, как должна протекать мыслительная деятельность, а не сам человек, который свободен обнулить все средства и обналичить те мысли, которые несут ему внутренний свет.

«Беспардонное» применение мыслительных операций в качестве мышления, а не средства приводит к недопустимой ошибке отождествления мышления с логикой, невзирая на то, что мышление предстает собой логическую систему. В том, что здесь нет противоречия, убеждает нас каждодневный опыт межличностного общения, не продизинфицированного от нравственного чувства. Потому что совершенно идентичное логическое содержание может иметь совершенно различное этическое содержание. Два раза повторенные слова «миру мир» логически несут одну и ту же нагрузку. Но когда это произносил апостол Павел, от логоса этих слов сотрясались небеса, а у людей, неотупевших от современных жизненных приоритетов, до сих пор от них может прехватить дыхание. Эти же слова в устах Брежнева звучали в контексте анекдота советских времен: «Нам нужен мир. Желательно весь»*.

* В одном из недавних интервью известный политолог А. Дугин высказался в аналогичном духе: "У России свои четкие долгосрочные интересы. Москву интересует не Армения, ее интересует весь Южный Кавказ". К сожалению, такие прямо или косвенно выраженные аппетиты ни на йоту не обогатили мир идейно. Все до обидного просто: где только возможно, установить свое влияние, действовать сугубо ситуативно, наподобие рефлексного реагирования, и при полном отсутствии сколько-либо явных признаков активности мышления в ином смысловом и мотивационном направлении.

Логика предоставляет мышлению стройную систему ориентиров, посредством которой мышление вносит порядок в изменчивый хаос ощущений, восприятий, представлений и понятий, связывая их между собой. Благодаря непоколебимости своих законов она создает видимость законченного знания, устанавливает границы рассудка, позволяет людям понимать друг друга. Однако законы логики дают основание вовсе не для правильных мыслей, а лишь для правильного увязывания их друг с другом. А для того чтобы считать мысль правильной, ее необходимо увязать с действительностью и внутренне оценить как истинную. Но разве объективно-логические категории мышления подвластны оценочным категориям? Нет, если рассматривать мышление как безличную игру ассоциаций, как механическую функцию дробления и объединения понятий, и да, если рассматривать мышление как постоянное формообразование или, как сказал бы Я. Морено, «спонтанное творчество». Логика строит упрощенную картину действительности, в которую не вмещаются, например, смысл сновидения, содержание внутреннего голоса, идея воскресения. Для понимания этого необходимо нанести на логически мыслимое черты лица – выработать личное отношение к тому, что мыслится. Согласно Э. Гуссерлю «мера всякой истины есть индивидуальный человек». Это значит, что для каждого мыслимого факта требуется выход за рамки логики и выработка *своих* логических правил.

Функцию личного отношения к воспринятому или мыслимому в психике выполняет чувство, и именно чувство или «разум сердца» позволяет одновременно индивидуализировать мыслимое и не выпускать объективность, т.е. логически придерживаться фактов. Личное отношение, продиктованное «разумом сердца», резко отличается от личного отношения истерической личности, потому что ее разум продиктован не сердцем, а «нижним организмом», не космической интеллигенцией, а своей произвольной логикой.

Итак, с одной стороны, «захлебывние» логики истерика в эмоционально-личном, с другой – леденящая логика шизофреника, абсолютное отсутствие личного и полное подчинение строгим логическим ходам. Корень первой нозологии – громадное себялюбие, застилающее видение мира, корень второй – доходящая до отрицания себя и мира ненависть к себе и миру. При таком условии функционирования логики никакими средствами невозможно избежать ловушек, которые она расставляет, и прав оказывается не только Ницше в момент написания «Антихриста», но и маркиз де Сад, не нашедший в разуме ни одного аргумента в пользу любви и совести и поэтому агрессивно выкинувший их, дойдя до конца ужасающей логической цепочки – интероцептивных ощущений, при которых боль, превышающая порог чувствительности, превращается в наслаждение. Действительно, в рамках одной логики невозможно найти любовь, совесть, ответственность перед истинным и ложным. Но найти их внутри имеющих «сердце» мыслей возможно. Современное мышление утратило способность «переживать мысль в мысли» (Ф.Перлс), способность, при которой мышление одухотворяется и согревается сердечным теплом*. О такой мыслительной строй разбиваются утверждающие себялюбие железные оковы логики.

* Примечательно в этом контексте сатанинское восклицание из "Дневника Сатаны" Леонида Андреева: "Ах, что заужаснейшая вещь – сердце! <...> Биение сердца <...> звук, столько же говорящий о смерти, сколько о жизни. Как они могут носить в своей груди этот счетчик?!"

Но не только чувственная сфера участвует в этом. Испытывание личной ответственности перед истиной указывает на волевой компонент в мышлении. «За противопоставлением ума и действия, – говорит Ж. Лакруа, – скрывается единство духа, нерасторжимо соединяющего в себе мысль и действие»³. Мысль не противопоставлена действию: внесение познания в жизнь (действие) и действия в познание (мысль) – систола и диастола подлинно мыслительного процесса, который противоположен мыслительному автоматизму. «Исстари совершенно справедливо говорится, что делать и вместе с тем познавать самого себя и свое дело, пристало только мудрецу»⁴, – отмечает А. Ф. Лосский, ибо делание без познания оглушает, познание без делания ослабляет. «Расскажи мне – и я забуду, покажи мне – и я вспомню, дай мне сделать – и я пойму», – говорил Конфуций.

Если мы руководствуемся исключительно логикой, т.е. отрываем от мысли чувство (логику сердца) и волю (личную ответственность за сотворение мысли), то основное требование логики, заключающееся в формальной непротиворечивости, дает серьезный сбой. Следовательно, мыслить чисто логически означает мыслить патологически или в антихристианском духе. Приложив этот парадокс к маркизу де Саду и Ницше и отшелушив с них слой аморальности и демонизма, увидим последовательно доведенные до логического конца автоматически связанные между собой рассуждения. Логика связует вещи и явления мира, подлинное мышление связует нас с миром. Это «живомыслие» (А.Белый) надевает мысль созерцательной силой и рассматривает все не как фрагмент логической цепочки, а как целостный и завершенный мир.

Но сама жизнь постепенно оттесняет логику. За выявление значения алогичных факторов в экономике получена Нобелевская премия, новейшая психология управления разрабатывает техники моральной интуиции и достижения корпоративной культуры, психология бизнеса – «лин-технологии» (Lean) бережливого производства и устранения многоярусной иерархии власти, психология принятия решений – технику основанного на ценностях интуитивного решения. Даже крайне прагматичные маркетологи отказываются от принципов формальной логики, которая приводит к возрастанию так называемого моббинга, когда каждый пытается скрыто навредить другому, предлагая принципы *органической логики*, основанные на естественнонаучных взглядах Гете и идеях гештальтшколы. Потому что маркетинговые расчеты, преследующие цель выигрыша в конкурентной борьбе, игнорирующие фактор уникальности личности, целостное восприятие мира, уважение к природе и человеку, *на практике* не оправдывают себя. Представляется удивительным, что, будучи совершенно далекими от духовно-нравственных проблем, практики нащупывают необходимость их учета. «Эгоизм – не что иное, как здравый смысл в морали», – писал М. Унамуно. Те, кто в морали руководствуется здравым смыслом (читай: логикой), не взыскует Бога, страждущего в них. Но, «будь им ведомо это божественное страдание, они бы разорвали убогие звенья логической цепи, посредством которой они пытаются связать свои убогие воспоминания со своими убогими надеждами, а иллюзии своего прошлого с иллюзиями будущего»⁵.

³ Лакруа Ж. Персонализм: истоки-основания-актуальность. М., 2004, с. 453

⁴ Лосский А. Ф. История античной эстетики. М., 1969, с. 473

⁵ Унамуно М. Избранное в двух томах. Т. 2. Л., 1981, с. 238.

Логика дана как возможность осуществления логик различных «селфов». Логика властелина требует мероприятий по удержанию власти (политзаключенные, подкуп, пиар-технологии, убийство, если надо), логика гневливого ведет к вербальному или физическому нокауту, логика конформного – к «ложному согласию» и пр. Но логика есть также возможность выбора этих логик индивидуальным или сознательным «Я» по Р.Ассаджиоли. Его классическое психосинтетическое упражнение под названием «Кто Я?», при котором из человека последовательно изымается все, что не есть Я – принадлежности, одежда, собственность, роли, черты, диспозиции, весь психологический статус, части тела, все тело, воспоминание, мысль, чувство, желание, - завершается тем, что вышло в остаток – замешательство от неожиданной пустоты или, опять же с замешательством, но одно: «*Я есть Я*». Гораздо реже, однако, участник тренинга приходит к другому: «*Я – тот, кто это делает*», т.е. совершает редукцию «Я» (пример: «Это – моя рука, но Я – рука? Нет, Я не рука. Эта моя мысль. Но Я – мысль? Нет. Одна мысль сменяет другую, а Я остаюсь. Нет, Я не мысль» и т.д.). Еще один шаг и мы оцениваем мышление по достоинству. Посредством чего «Я» это делает? Посредством мышления. Значит, до «Я» или индивидуальности можно добраться единственно посредством и благодаря мышлению.

Одно из доказательств бытия Бога Ансельм Кентерберийский выстраивает от обратного. Ссылаясь на Псалмы Давида, он приводит пример некоего безумца, который сказал: «Нет Бога». «Но если он отрицает Бога, то должен как-то представлять себе – что есть Бог. Следовательно, даже безумец, отрицающий Бога, на самом деле, имеет Бога в уме». Аналогично безумец, не осознающий или отвергающий себя как индивидуальное «Я», уже имеет его через свое мышление. Благодаря мышлению его «Я» вырывается из-под селфов или второстепенных идентичностей и поднимается над ними, управляющий и судящий, выбирающий или отвергающий логику остальных, детерминированных «Я». Так мыслительный процесс познания себя становится предтечей упражнения в свободе воли. Экзистенциальные психотерапевты (Р. Мэй, И.Ялом и др.) постоянно указывают на тесную сопряженность психотерапии с проблемой человеческой свободы, но впервые этот вопрос поставил П. Рикёр. «Разве терапевтическая ситуация как таковая не есть предсказание свободы?»⁶ – спрашивает он.

Таким образом, мышление напрямую связано с проблемой свободы, нравственности и индивидуализации, которые все указывают на дух. В предельно ясных словах об этом выразился А. Бек: «Проблема свободы (в психологическом, а не политическом смысле слова) – в значительной степени есть техническая проблема мышления»⁷. Эта фраза могла бы стать девизом всей психологии, потому что само существование психологической науки, по нашему убеждению, продиктовано необходимостью определить роль мышления в осуществлении человеческой свободы.

«Технически» индивидуальная мысль находится между унифицированной мыслью и личным произволом, каждый из которых претендует на мысль и продуцирует ее гримасу. Патология личности как самая большая из всех несвобод, а также нарушения мыслительной функции и качественных характеристик

⁶ Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996, с. 25.

⁷ Бек А. Техники когнитивной психотерапии. // «Московский психотерапевтический журнал», 1996, № 3, с. 49.

мышления (стиль, мотивационность, реактивность, ригидность, эвристичность и пр.) позволяют крупным планом рассмотреть то, что происходит с мышлением в норме, но с меньшей интенсивностью. Произвольна и эгоистична мысль истерика; индивидуальна, но заморожена в безмыслии (равно как в бес-мыслии – в бесовских мыслях) мысль шизофреника; неиндивидуальна мысль больного неврозом навязчивостей – отсюда чуждость его мысли ему самому; фрагментарна и унифицирована мысль эпилептика; безвольна и автоматизирована мысль депресанта и пр. Во всех этих случаях отсутствует то, что Гегель называл «самосознанием мысли», т.е. мысли из «Я», которая в условиях временного совпадает с вечной истиной, вслед за которой непременно творится добро. И наоборот, волевые импульсы зла следуют за мыслью, порожденной временным и не очищенной от него со стороны индивидуальности. Г. Бейтсон считал основой всех многочисленных нынешних угроз выживанию человека ошибки в мышлении, которые отражаются в тенденциях западной культуры, а как заметила культуролог Ханна Аренд, «проблема зла будет фундаментальным вопросом интеллектуальной жизни»⁸. Обратим внимание: не волевых актов, не негативных чувств, не личности, не генетической природы или социального влияния, а именно интеллектуальной жизни, с которой человек должен начать трансформацию, для которой ей понадобится мужество, ибо поперек этого начинания стоит самое хитрое изобретение дьявола – страх.

ԳԱՅԱՆԵ ՇԱՀՎԵՐԴՅԱՆ – Մտածողական օպերացիաների իմպլիցիտ պաթոգենությունը – Հոդվածում դիտարկվում են մտածողական գործունեության օպերացիաների ոչ համարժեք օգտագործման պաթոգեն էֆեկտները: Ցույց է տրվում, որ հինգ օպերացիաներից յուրաքանչյուրը պահանջում է հավելյալ ջանքեր կառուցողական գործառնության համար: Դիտարկվում է նաև միջանձնային հարաբերությունների գործընթացում ձևական տրամաբանության բացասական ազդեցության խնդիրը:

GAYANE SHAHVERDYAN – *Implicit pathogenic nature of cognitive operations.* – The paper addresses pathogenic effects of inadequate usage of cognitive activity operations. It is demonstrated that each of the five operations requires additional efforts to function constructively. The paper also considers the negative impact of formal logic on the process of interpersonal relationships.

⁸ Рахшмир П., Арендт Х. Тоталитаризм – зло XX века // "Пермская деловая политическая газета", № 39 (145), 14. 11. 2000.